ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ ГРАФА ДМИТРІЯ НИКОЛАЕВИЧА БЛУДОВА.

Въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ былъ особенно занятъ и озабоченъ дѣломъ, которое почиталъ онъ въ наше время самымъ важнымъ для Россіи. Это дѣло—народное образованіе, устройство низшихъ училищъ по всей Россіи, и женскихъ воспитательныхъ заведеній въ западно-русскомъ краѣ.

Для разсмотрѣнія вопроса о народныхъ школахъ, онъ черезъ силу выѣзжалъ въ засѣданія государственнаго совѣта, и въ первый разъ занемогъ послѣ одного изъ такихъ засѣданій. Въ другой разъ, выѣхавъ больной, онъ въ совѣтѣ почти упалъ въ обморокъ, и съ той поры болѣзнь его усилилась и ускорила его кончину. Пренія по дѣлу объ училищахъ уже кончились безъ него. Во все время болѣзни, среди страданій и безсонныхъ ночей, равно какъ и въ послѣдніе тихіе, безболѣзненные дни, мысль Дмитрія Николаевича не разставалась съ великимъ дѣломъ, особенно же направлялась къ состоянію женскаго воспитанія въ западномъ краѣ, гдѣ молодыя дѣвушки, даже духовнаго званія, воспитываются въ польскихъ пансіонахъ, въ совершенномъ отчужденіи отъ роднаго языка и отъ всего отечественнаго. За три дня передъ смертію, онъ не спалъ всю ночь, и отъ утомленія ослабѣлъ, такъ что съ трудомъ выговаривалъ слова, однако, тою же ночью, передалъ, въ общихъ чертахъ, свои соображенія о возможномъ устройствѣ училищъ для дѣвицъ духовнаго званія въ каждомъ благочиніи западныхъ губерній Россіи.

На слѣдующее утро, подкрѣпленный краткимъ сномъ, онъ продиктовалъ свой планъ, какъ устроить ихъ; потомъ, въ теченіе дня, призвавъ къ себѣ товарища оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода,

близкаго ему по старымъ служебнымъ и дружескимъ сношеніямъ, князя С. Н. Урусова, передалъ ему свои мысли, съ порученіемъ стараться осуществить ихъ; а вечеромъ, совѣтовался съ М. О. Кояловичемъ, какъ съ человѣкомъ, которому особенно знакома западная Россія, и просилъ обоихъ сообщить о своемъ планѣ митрополитамъ кіевскому и литовскому. Вообще, онъ непрестанно занимался этимъ дѣломъ,—такъ что и наканунѣ смерти, вечеромъ, бесѣдуя съ духовнымъ своимъ отцомъ В. Б. Бажановымъ, говорилъ ему: «эта мысль преслѣдуетъ меня безпрестанно; она занимаетъ и, могу сказать, утѣшаетъ меня въ длинныя безсонныя ночи».

Въ тотъ же, послѣдній вечеръ, ложась уже въ постель, онъ подозвалъ князя Урусова, и, говоря ему опять о томъ же, прибавилъ: «это моя послѣдняя мысль, послѣднее желаніе». Даже въ самый день смерти, часа за два до кончины, говорилъ своей дочери: «Какъ я радъ, что князь Урусовъ написалъ къ митрополиту объ училищахъ при благочиніяхъ: надѣюсь, что устроятся; это моя послѣдняя мысль, мое послѣднее желаніе, мой послѣдній планъ. Дай Богъ, чтобъ осуществился».

Это было 19 февраля 1864 г., въ среду, утромъ.

Потомъ говорилъ онъ о 19-мъ февраля 1861 года, о великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, о возшествіи Государя на престолъ, и о прекрасныхъ молитвахъ на молебнѣ по сему случаю. Вспомнилъ онъ также, что, въ годъ возшествія на престолъ Александра І-го, въ Москвѣ совершилось чудо надъ глухонѣмымъ, изцѣлѣвшимся послѣ молитвы, безъ всякаго другаго лѣченія, и что одинъ благочестивый человѣкъ, пріятель матери графа, говорилъ по этому случаю: «видно, холодна и скудна наша вѣра, что, для утвержденія ея, нужны такіе поразительные примѣры Божія чудодѣйствія».

Глядя на безоблачное, ярко сіяющее солнцемъ небо, и прислушиваясь къ колокольному звону, онъ сказалъ: «Какой прекрасный день!—Какъ я радъ, что сегодня подписанъ указъ о крестьянахъ въ царствѣ Польскомъ!»—и радовался, что въ Россіи крестьянское дѣло такъ благополучно прошло первый трехлѣтній періодъ; потомъ прибавилъ: «Богъ благословитъ Государя за его доброту,—за все, что онъ сдѣлалъ и дѣлаетъ для народа»,—и, продолжая разговаривать о состояніи Россіи и о народныхъ дѣлахъ,

почувствовалъ нѣкоторое утомленіе, какую-то дремоту; однако рѣшился не ложиться спать, но освѣжить себя, вымывъ холодной водой лицо, и одѣться,—а потому сказалъ, шутя: «ну, освободили крестьянъ,—нельзя ли освободить и эту комнату, чтобъ я могъ одѣться (онъ былъ въ шлафрокѣ).»

Находившіеся въ комнатѣ вышли.

Черезъ четверть часа, дочь его вошла опять въ комнату: «Я еще не одѣлся», сказалъ онъ ей,—«потому что утомленъ и отдыхаю. Теперь одѣнусь,—поди.»

Черезъ нѣсколько минутъ затѣмъ, камердинеръ прибѣжалъ къ дочери графа, говоря: «графъ умираетъ» . . . Когда дали ему понюхать уксусу, и облили голову одеколономъ, онъ очнулся,—поднялъ голову, открылъ глаза, и, обративъ взоръ къ небу, поднялъ руку къ груди, какъ обыкновенно поднималъ ее, когда молился, и глубоко вздохнулъ, какъ человѣкъ, приходящій въ себя; дыханіе его стало натурально, но рука тихо опустилась, глаза подернулись туманомъ; послали за священникомъ и докторомъ, а дочь его начала читать отходныя молитвы. Дыханіе становилось рѣже и отрывистѣе; онъ закрылъ ротъ (до тѣхъ поръ полуоткрытый), закрылъ глаза; опустилъ голову на подушку, склонившись ею немного на бокъ (въ это время сидѣлъ онъ въ большихъ вольтеровыхъ креслахъ); дыханіе становилось все слабѣе и слабѣе, пока пришедшій священникъ читалъ отходную,—и такимъ образомъ тихо, безъ малѣйшей судороги, безъ всякаго изнеможенія, съ спокойнымъ, засыпающимъ лицемъ, незамѣтно, мирно перешелъ отъ земнаго сна къ покою вѣчному, осѣненный молитвою Церкви, окруженный близкими, милыми ему людьми, труженикъ до конца,—до послѣдней минуты занятый мыслями о Богѣ, Государѣ, Россіи, о благѣ народа и Церкви православной.

Въ одну изъ самыхъ трудныхъ минутъ своей болѣзни, когда считалъ себя умирающимъ и прощался съ Государемъ (за 13 дней до кончины), онъ сказалъ ему: «Я грѣшный человѣкъ предъ Богомъ, но умираю вѣрнымъ и безвиннымъ предъ Вами, Государь, и предъ Россіей. Богъ благословитъ Васъ за доброту вашу, за ваши добрыя намѣренія, за все, что хотите сдѣлать, и что сдѣлали для Россіи. Богъ благословитъ Васъ за добро, которое Вы сдѣлали, и дѣлаете для народа. А я у Бога прошу одного,—чтобъ Онъ удостоилъ меня молиться за Васъ и за Россію вѣчно,—*вѣчно*.»

И во все время болѣзни, день и ночь, молился онъ вслухъ за Россію и Государя, молился объ оставленіи своихъ грѣховъ, и о благословеніи Божіемъ на труды и старанія всѣхъ, подвизающихся за Россію.

Въ первый, мучительный періодъ болѣзни, онъ желалъ смерти, хотя не дерзалъ просить ея; потомъ ожидалъ ея мирно, съ покорностію повторяя: «Господи, да будетъ Твоя воля, а не моя! Господи, душа моя къ Тебѣ стремится! Господи, пріими душу мою!» Въ ночь передъ кончиной, часто вспоминалъ онъ о своей матери, и говорилъ: «Я никогда не чувствовалъ въ моихъ болѣзняхъ того, что теперь чувствую. Это что-то новое, необыкновенное. Это, должно быть, смерть. Да будетъ воля Божія!»

Спустя нѣсколько часовъ, сталъ онъ говорить, что пора рѣшить вопросъ: «Выйти ли ему теперь въ отставку, или въ іюнѣ мѣсяцѣ? Если это не смерть, то совершенное изнеможеніе»,—и прибавилъ: «да будетъ воля Божія!—не яко азъ хощу, но яко Ты, Отче!»

Въ предпослѣднюю ночь, говоря о женскихъ училищахъ при благочиніяхъ, онъ повторялъ, что это послѣднее его желаніе,—и, подозвавъ дочь къ постели, осѣнилъ ее крестнымъ знаменіемъ и поцѣловалъ ея руку, ничего не говоря,—но очевидно, въ смыслѣ прощанія и благословенія.

2 февраля, когда врачи не ожидали еще опасности, онъ изъявилъ желаніе сподобиться принятія святыхъ таинъ. Вечеромъ, наканунѣ Срѣтенія Господня, въ его гостинной совершаема была всенощная; и онъ слушалъ ее *съ особеннымъ наслажденіемъ*, какъ самъ говорилъ, и умиленно молился. По настоятельному его желанію, положено, не откладывая далѣе, привезти Святые Дары изъ приходской церкви св. Симеона, въ самый день храмоваго праздника. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты причащенія, выслушалъ правила къ причащенію Святыхъ Таинъ, и избранныя мѣста изъ *акаѳиста страстемъ Христовымъ* повторялъ за дочерью съ особеннымъ умиленіемъ.

«Пріидите убо, поруганному насъ ради Іисусу поклонимся, вопіюще: Іисусе, Творче и Судіо всѣхъ, отъ твари Своея судимый и мучимый! Іисусе, премудрости Подателю, отвѣта безумнымъ недавый! Іисусе, плоть имый сокрушенну, сокруши сердце мое страхомъ Твоимъ! Іисусе, Сыне Божій, помяни насъ, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!»

«Помилуй мя грѣшнаго, и сотвори, да небезплоденъ будетъ во мнѣ крестъ Твой святый, да причащаяся здѣ вѣрою страданіямъ Твоимъ, сподоблюся видѣти и славу царствія Твоего на небеси. Аминь.»

Онъ причастился святыхъ таинъ съ умиленіемъ, и стоя, поддержанный невѣсткою своею, Марьей Андреевной Поликарповой, и внукомъ, Иваномъ Егоровичемъ Шевичемъ; послѣ причастія, говорилъ, что ему хорошо и спокойно на душѣ, но что онъ утомился, а потому легъ въ постель и заснулъ. Однако, послѣ спокойнаго, крѣпкаго сна, вставъ уже къ вечеру, онъ почувствовалъ, что болѣзнь его усилилась; въ продолженіи четырехъ сутокъ, мучила его безпрестанная тошнота, и самая ужасная *предсмертная* тоска не давала ему ни минуты отдыха. Мысль, что, можетъ быть, причастившись безъ обыкновеннаго приготовленія, онъ причастился *недостойно*, и сдѣлалъ великій грѣхъ, стала смущать его и еще болѣе усиливала его тоску. Въ это время онъ непрерывно молился вслухъ, прося у Бога терпѣнія и прощенія, говоря что желаетъ, но не проситъ себѣ смерти, такъ какъ знаетъ, что христіанинъ не долженъ просить ея.

Въ то время просилъ онъ, чтобъ похоронили съ нимъ золотой крестикъ, который дала ему мать, въ его дѣтствѣ, взамѣнъ потеряннаго имъ креста крестильнаго. Во время болѣзни, онъ не въ состояніи былъ заниматься ничѣмъ,—однако, выслушалъ съ умиленіемъ чтеніе бесѣды митрополита Филарета о геѳсиманскомъ моленіи. Доктора̀ отчаявались.

7 февраля, въ пятницу, послѣ обѣдни, принесли частицу мощей святаго Сергія съ троицкаго подворья; радость и миръ какъ-то *ощутительно* вошли въ домъ вмѣстѣ съ мощами великаго молитвенника земли русской, къ которому графъ Дмитрій Николаевичъ имѣлъ теплую вѣру и особенную любовь. Два раза приложился онъ къ мощамъ, выслушалъ Евангеліе стоя, и, отдохнувъ послѣ молебна, въ тотъ вечеръ могъ въ первый разъ съѣсть нѣсколько ложекъ супу; тошнота и тоска миновались.—На другой день началось молочное леченіе, и, неожиданно для врачей, болѣзнь съ того дня начала упадать; осталась только слабость,—но слабость, немѣшавшая духовному спокойствію и ясности мыслей. Графъ какъ будто пережилъ горечь и страданія смерти, и тихая, мирная, чуждая всего мелкаго на земли жизнь продолжалась въ прекрасномъ, мирномъ, высокомъ настроеніи духа. Цѣлые 12 дней онъ

все ожидалъ конца, со всѣми прощался, безпрестанно молился,— но принималъ участіе въ разговорахъ, въ литературныхъ извѣстіяхъ,—и только мысля о возвышенныхъ, благородныхъ предметахъ, видимо отрѣшался отъ всего свѣтскаго; занимался состояніемъ Россіи, особенно народнымъ воспитаніемъ и западнымъ нашимъ краемъ, его народомъ и возвращеннымъ изъ уніи духовенствомъ (митрополитъ Іосифъ былъ его пріятелемъ и сотрудникомъ съ давнихъ временъ).

Къ друзьямъ и окружающимъ его былъ онъ необыкновенно нѣженъ; къ Государю, навѣщавшему его нѣсколько разъ, полонъ любви и благодарности, и вообще былъ сильно тронутъ всѣми знаками уваженія и сочувствія, оказанными ему въ эту пору. Сослуживцевъ своихъ онъ съ горячностію поручилъ В. П. Буткову, какъ ближайшему ихъ начальнику.

Простой народъ какъ будто чуялъ, что графъ, всегда любившій его, въ это послѣднее время особенно заботился о немъ; толпа извощиковъ и другихъ простолюдиновъ прибѣгала къ дверямъ, и спрашивала у швейцара: «ужь не умеръ ли нашъ попечитель?»

Эти 12 дней,—тихіе какъ ясный вечеръ,—провелъ онъ въ молитвѣ и чтеніи, въ разговорахъ съ людьми близкими, замѣчательными своимъ умомъ или познаніями, а по временамъ, вспоминалъ также о Карамзинѣ и Жуковскомъ,—память о тогдашнемъ семейномъ кружкѣ утѣшала его. Справедливо сказано, что «въ тѣсномъ кругу тѣхъ избранныхъ друзей,—тѣхъ лучшихъ людей, которые одинъ за другимъ покидаютъ насъ, было такое обиліе любви, что и семейства ихъ связаны какбы тѣснымъ родствомъ.» Этой любви не могли измѣнить ни годы, ни разлука, ни самая смерть. Графъ Дмитрій Николаевичъ съ любовію повторялъ стихи и прозу того времени, еще наканунѣ своей смерти. Впрочемъ, занимала его и литература новѣйшая: Майкова «Упраздненный монастырь», «Марево» Клюшникова,—въ «Русскомъ вѣстникѣ», «Θеодосій Савичь Рой», —въ газетѣ «День», слушалъ онъ съ удовольствіемъ, критикуя, однако, въ томъ и другомъ отрывочность и неясность слога. Слово преосвященнаго Θеофана—*о вѣнцахъ мученичества*—слушалъ онъ съ большимъ умиленіемъ. Это было одно изъ послѣднихъ его чтеній.

Зато ничто житейское какбы не существовало болѣе для него. Завѣщаніе написалъ онъ давно, и только въ началѣ болѣзни на-

помнилъ дочери, что оно въ опекунскомъ совѣтѣ. Благородно-щедръ,—онъ, однако, былъ благоразумно-бережливъ, терпѣть не могъ долговъ, и часто говаривалъ: «Порядокъ въ денежныхъ дѣлахъ есть обязанность; надобно всегда умѣть жить по своимъ средствамъ, чтобы быть независимымъ отъ людей и отъ службы. Независимость есть первое условіе для безкорыстной и полезной службы въ *высшихъ* должностяхъ.» Но никогда бережливость не переходила у него въ мелочной расчетъ, и русская натура его всегда широко располагала тѣмъ, что̀ онъ считалъ себя въ правѣ тратить. Послѣднее время какъ-то случилось ему слышать анекдотъ про смѣшную скупость одного, впрочемъ весьма достойнаго, человѣка. «Странно», сказалъ онъ, «а я теперь и думать о деньгахъ не могу,—не только любить ихъ».

Не страшился онъ смерти, и не заботился о земныхъ благахъ для лицъ, послѣ него остающихся, но думалъ только о великихъ интересахъ отечества и о спасеніи своей души,—и до послѣдней минуты жизни повторялъ: «Господи, пріими мою грѣшную душу! Господи, спаси Россію!»

И какъ будто знали и понимали это вблизи и вдали,—такъ единогласно изъ всѣхъ концовъ милой ему Россіи полились отзывы участія къ нему и почитанія его памяти.

Въ смиренной вѣрѣ, будемъ утѣшать себя тѣмъ, что Господь Богъ услышалъ его молитву, далъ покой вѣрующей христіанской душѣ его,—и удостоитъ его, по его просьбѣ, молиться за Государя и за Россію *вѣчно*, *вѣчно*, въ горнемъ мірѣ, отпустивъ отсюда такъ безболѣзненно, непостыдно, мирно, послушнаго и вѣрнаго раба.

«Какъ утѣшительна мысль, что въ этой тихой, истинно-христіанской кончинѣ нѣтъ ни одной мрачной и горькой черты! Кончину избранныхъ своихъ Господь какъ будто окружаетъ особенно осязательною и нѣжною попечительностію . . . Для того, чья христіанская душа въ *случаѣ* видѣла такъ ясно промыслъ Божій (*), этотъ промыслъ торжественно и чудно высказался въ видѣ случайности. Лучезарны кончины, при коихъ такъ явственно слышится судъ Божій . . . Другъ, такъ недавно насъ покинувшій, свѣтло и безмятежно разстается съ жизнію, столь занятою многочисленны-

---

(*) Онъ написалъ и любилъ повторять: «Le hasard est l'incognito de la Providence!»

ми трудами, и ему дано предъ смертію видѣть третью, многознаменательную годовщину дня (19 февраля), освободившаго Россію, и видѣть освобожденіе роднаго ей племени. Здѣсь радость и возрожденіе,—не конецъ, а начало, не мракъ, а свѣтъ,—какъ въ тѣ наши лѣтнія ночи, когда закатъ сливается съ зарею!»

Эта выписка изъ письма кн. Мещерскаго хорошо передаетъ общее впечатлѣніе мирной кончины.

Графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, еще задолго до своей кончины, приказалъ положить съ нимъ въ гробъ всѣ письма къ нему его матери и жены: разумѣется, желаніе его было исполнено. Послѣ его смерти, многихъ поразила одна случайность. Гробъ его поставленъ былъ въ той комнатѣ, которая была рабочимъ его кабинетомъ. Такъ какъ она небольшая, то оказалось мало мѣста для подушекъ, на которыхъ лежали его ордена и знаки отличія, а потому главныя ленты и звѣзды, разложенныя въ головахъ, нужно было отодвинуть за аналогій, дальше, и ихъ почти совсѣмъ не было видно; а спереди, въ ногахъ, въ виду всѣхъ подходящихъ къ покойнику, лежали только медали за крестьянское дѣло и крестъ за приведеніе въ дѣйствіе положенія о крестьянахъ. Такимъ образомъ, весь блескъ житейской суеты отложенъ и оставленъ въ тѣни земной; одна только память о великомъ *дѣлѣ*, объ истинномъ *подвигѣ* христіанскомъ оставила свѣтлый слѣдъ свой у самой могилы труженика!

А. Б.

«Графъ Дмитрій Николаевичъ принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ «личностямъ, которыя послѣ долгаго труднаго, сопряженнаго съ «неутомимой борьбой пути, могутъ безукоризненно обратиться «къ міру сему, съ лицемъ открытымъ, съ совѣстью чистой, покойно «ожидать суда людей, бывшихъ свидѣтелями или участниками ихъ «дѣятельности, и безтрепетно могутъ явиться предъ судъ Божій (*).»

(*) Изъ статьи Е. П. Ковалевскаго. 23-го Февраля 1864 года.